

Глава 1

Свет. Ослепительный. Такой яркий, что глазам больно. Из горла вырывается хрип.

— Порядок, — ясно произносит чей-то рассеянный голос, настолько материальный, что, кажется, его можно потрогать, и из света проступает усталый силуэт.

Человек смотрит на меня, и пока что лицо разбивается на отдельные неузнаваемые куски: нос, рот, глаза, щетина, белое одеяние. Как собирающиеся вместе осколки. Всё как-то неправильно, но постепенно взгляд привыкает, и из темноты сознания всплывают названия вещей.

— Ты меня понимаешь? — спрашивает человек.

Слова кажутся знакомыми и незнакомыми одновременно, смысл доходит с опозданием, как перевод с чужого языка. В голове звенит. Кое-как киваю. Мышцы слушаются плохо, будто после изнуряющей болезни. Всё странно. Всё не так.

— Замечательно. — Человек подносит ко рту маленькую коробочку, зажимает кнопку, зажигается красный огонёк. — Десять пятьдесят шесть, объект пришёл в сознание, состояние стабильное...

О, цифры. Вроде бы я даже понимаю, что это, только не могу выловить: знакомо, но инородно.

— Даже не пытайся, — говорит человек, отпуская кнопку. — Не вспоминай. Всё равно не получится.

Он пропитан безразличием и тотальным божественным всезнанием, которого нет у меня. Он снова наговаривает в свою коробочку:

— Номер шестьдесят четыре. День первый. Динамика нормальная.

Человек выходит из поля зрения, я слышу шелест бумаг и дробное муторное клацанье клавиш. Всё ещё пытаюсь что-то разглядеть, но в лицо бьёт ужасно жгучий свет.

— Где я? — О, и у меня есть голос. Здорово! Но голос человека звучит низко, рокоучще. А мой тоненький и робкий.

Человек смотрит на меня так утомлённо, что я чувствую вину за то, что отрываю его от важных дел.

— В больничном крыле, — коротко бросает он.

В больничном крыле? Значит, случилось что-то плохое.

— Я болею? — пугаюсь я.

— Нет.

— Тогда зачем я здесь?

— Ты — эксперимент.

Слово тоже смутно знакомо, отдаёт чем-то... В памяти вспыхивают склянки, цифры, что-то ужасно сложное, от чего мои возможности невероятно далеки, и меня так мучит это чесучее чувство, что я ничего не могу вспомнить, мысли обрываются на полпути. Будто упираюсь в глухую стену.

— Прекрати, — приказывает человек. Я снова вижу над собой его лицо и теперь дольше, внимательнее его разглядываю.

Он как будто даже мне знаком. Пока что его лицо для меня — целый мир от начала и до конца.

— Если чего-то не можешь вспомнить, просто не думай об этом. Это называется «избирательной памятью». Если начнёшь вспоминать, это плохо кончится, — и звучит это не пустой угрозой.

— Эксперимент — моё имя?

— Эксперимент — это опыт, исследование, — поясняет он чуть раздражённо. — Некое наблюдение с целью выяснить результаты. Со временем поймёшь.

Время. Как только он произносит это слово, в моём разуме появляется и концепция времени. Оно будто только сейчас пошло.

— А у вас есть имя?

Я слышу смешок, его губы изгибаются, но как-то не совсем искренне. А я продолжаю его рассматривать: понимаю, что он уже немолодой, в спутанных волосах проглядывает седина. Я не могу пока точно судить о возрасте, красоте или уродстве, так как он — первый человек, которого я вижу, и потому становится отправной точкой всех моих систем измерений.

— Зови меня доктором, — отвечает он. Имя звучит как «знания» и «помощь». И немножечко как «боль».

Он тянется к рубильнику, и с громким хлопком гаснет свет. С непривычки мир становится тёмным, скользким и рыхлым, как сырая земля, но, когда глаза привыкают, проступает множество незнакомо знакомых вещей: кафель, операционные софиты, решётки на окнах, тяжёлый монитор в пожелтевшем пластике, заваленный бумагами стол, стальные архивные шкафы, склянки, схемы, лезвия и ещё слишком много того, от чего всё внутри сжимается, — я не знаю их имён, но знаю: оно способно навредить.

Доктор начинает меня отстёгивать: ослаблять жёсткие ремни, о которых до этого у меня не было ни малейшего представления. Словно я так давно лежу здесь, что уже их не чувствую. Неумело двигаю руками, подношу их к глазам. Пальцы слушаются дёргано. Мои движения непохожи на слаженные движения доктора. Я понимаю, что я и размерами меньше него, моя ладонь уместилась бы в его руке раза два. А затем я понимаю, чем ещё мы непохожи: моя кожа совсем другого цвета и кисти все прострочены шрамами и стежками. Выполненными или с педантичностью, или с любовью. Конечности будто сшиты из разных частей, хотя и очень хорошо подогнанных. Кажется, внутри тела что-то шипит.

Доктор внимательно наблюдает за мной, затем хмурится своим мыслям и вновь щёлкает клавишами у монитора.

— Двигательная функция в норме... — продолжает надиктовывать он в свою механическую коробочку и смотрит на мои рваные попытки подняться. — Относительно. Ещё не укрепились связи моторной коры.

Его взгляд регистрирует каждое моё движение — беспристрастно, точно, как видеокамера. А я пытаюсь неловко размять пальцы с тонкими, почти прозрачными ногтями, мои руки выглядят так беспомощно и синюшно, но ощущения мне нравятся.

Касаюсь поочерёдно каждым ногтем подушечки большого пальца, сгибаю маленькие суставчики. Потом смотрю на ноги. Они слегка фиолетовые. Я подтягиваю руками колено к животу, чтобы разглядеть стопу. Трогаю на ней кожу, вручную сгибаю и разгибаю. Появляется чувствительность, и я понимаю, что начинаю широко улыбаться. Смотрю на доктора, будто могу передать ему свою радость. Но он в лице не меняется.

— Попробуй встать, — говорит он.

Сначала я впадаю в ступор, потому что до меня с опозданием доходит смысл, а затем пытаюсь спустить ноги со стола. Нескладно и неуклюже. Стол высокий, и я сваливаюсь, запоздало уцепившись за край. Стопы касаются ледяной плитки. В коленях жуткая слабость, будто они тряпичные и вот-вот сомнутся, а из швов полезет вата. Я трясусь — и от напряжения, и от озноба. Тут и правда холодно.

— Достаточно, — останавливает меня доктор, подносит коробочку к лицу. — Атаксия. Слабая передача импульсов. Вероятно, ошибка проектирования; возможно повреждение седалищного нерва. Или дисфункция мозжечка... Пойдём, нужно сделать томографию. — И он тянет меня за шиворот больничной рубахи.

Я пытаюсь хотя бы делать вид, что иду, но по факту просто еду за доктором, елозя стопами по кафелю. Кажется, ростом я ему едва ли до груди достану. Он распахивает стальные двери и приволакивает меня в соседнюю комнату. Всё кажется потрёпанным, плитка отколотая, на полу лежат перемотанные кабели, а в самом центре — огромный, жёлтый от времени страшный аппарат.

Доктор опускает меня на стол в его жерле, будто на гигантский язык из разинутой пасти. Заставляет лечь, вставляет мне в уши вату и закрывает голову какой-то рамой. Становится жутко-прежутко.

— Лежи неподвижно. Будет громко. Не двигайся. Вообще. Не верти головой, — буднично говорит он, и дверь за ним со склепным скрежетом захлопывается.

Стол медленно и неотвратно въезжает в жуткий аппарат. Темно. Страшно. И вдруг чудовищная машина оглушительно заводится — теперь она гудит и трещит на все лады. В них даже прослеживается ритмический рисунок: тыц-тыц-тыц-тр-р, тыц-тыц-тыц-тр-р. Всё кажется, что меня вот-вот прострелит, и я умру.

Когда процедура заканчивается, доктор, ничего не говоря, уходит в операционную, и я опять слышу щёлканье клавиш. Я боюсь двинуться, даже не дышу и стараюсь стать как можно меньше и незаметнее, сжимаюсь в точку и разглядываю швы на пальцах. Вообще-то они мне даже нравятся. Похожи на узор.

— Пойдём, — зовёт доктор. Он стоит в дверях и выжидающе на меня смотрит.

О нет... В смысле... А я и стоять не могу ровно! Я цепенею. В ушах всё ещё шумят отголоски страшного аппарата: тыц-тыц-тыц-тр-р... Опускаю ноги, но никак не могу заставить себя отпустить край стола.

— Иди сюда, — повторяет человек. Не нетерпеливо, нет, но настойчиво, так, что спорить нельзя.

Я смотрю на него с немым криком о помощи, но его глаза — стёкла камер. Я выпускаю край стола. Секунду-другую стою, качаясь, как пылинка в воздухе, даже радуюсь, что получается. Но мир вокруг вдруг увеличивается, а я уменьшаюсь — и падаю. Неудачно, больно и неуклюже, так что от стыда стореть хочется. Ушибы ощущаются странно, пытаюсь их стряхнуть, но не выходит. Глаза и носоглотку неприятно щиплет, губы дрожат.

— С тобой всё в порядке. Ты можешь ходить и можешь стоять. Ошибок нет, — чеканит доктор. — Попробуй ещё раз.

Не хочется его разочаровывать, и я продолжаю упрямо барахтаться. Рвано, но упорно переползаю к стене, пытаюсь с её помощью подняться. Тело вялое, мышцы слушаются неохотно, ходуном ходят коленки. Я не понимаю, как у доктора всё это получается так легко и бегло, будто плёвое дело! Кое-как встаю, по-лягушачьи враспопырку приклеивая ладони к плитке. Доктор приподнимает подбородок, хмурится. Я понимаю, что справляюсь плохо. Осторожно отталкиваю себя от стены, касаясь её самыми кончиками пальцев, и делаю первое подобие шага, скользя ступнёй вперёд. Аккуратно, словно по тонкому льду. И падаю. Опять.

Доктор разочарованно вздыхает, подходит, хватая меня за воротник и тащит. Настолько легко, будто я ничего не вешу. Мне так жаль, мне так стыдно! Смертельно стыдно! Он опускает меня на кушетку в операционной.

— Ладно, — устало говорит он, проводя ладонью по лицу, его силуэт обессиленно складывается, как ворох тряпок.

Он садится на кресло у синего экрана и переводит пронизательный взгляд на меня, будто пытаюсь уличить во лжи. А я себя чувствую так, будто и правда его обманываю, только не знаю об этом. Слышу, как за толстым мутным стеклом барабанит дождь; оборачиваюсь к арочным окнам операционной — небо светло-серое, свинцовое. Едва видны дрожащие под натиском капель изумрудно-зелёные листья винограда. Пахнет железом и спиртом.

— Николай! — вдруг громко кричит человек. — Коля!

Я съёживаюсь, словно это на меня повысили голос. Тяжёлая дверь со скрежетом отъезжает, и в помещение заходит тощий сторбленный старик с седыми космами, обрамляющими его покрытую пятнами лысину. Одет он так плохо, что, кажется, его пиджак вот-вот рассыплется в труху, от башмаков отстают подошвы, а штаны покрывают разводы. Костюм такой же дряхлый, как и он сам. Насколько, видимо, ему позволяет зрение, он выбрит, но плешиво. В мою реальность врывается новый запах: старость и щелочное

мыло. И эта вонь нарушает мой хрупкий баланс внутри этого хоть и неудобного, но родного мира операционной.

— В одиночную палату, — отворачиваясь к монитору, приказывает доктор.

Старик неотвратимо ковыляет ко мне. Меня пронзает ужас: вот с ним идти мне совсем не хочется!

— Пойдѐ-ѐм! — хрипит он, как наручником перехватывая мою запястье узловатыми пальцами.

Нежные стежки на руке болезненно натягиваются, в уголках глаз выступает влага. Я снова падаю на пол, в безмолвной мольбе смотрю в спину доктору, но его взгляд намертво прикован к вычислениям и бумагам, и до меня ему уже совсем нет дела.

— Идти, что ль, не можешь? — прикрикивает старик.

Изо всех сил я напрягаю мышцы, каждую связку в теле и... И меня так же волоком тащат в коридор. Мой мир теперь расширился: я вижу серо-бежевые глянцевые стены, в которых отражаются холодные отблески ламп, мимо плывут двери. Я верчу головой, но ничего разглядеть не успеваю.

— Как в первый раз, ей-богу! — усмехается Николай.

«Как в первый раз»? — бѐтся мысль. Так я здесь не в первый?.. Пытаюсь вспомнить, но в сознании лишь зудящая пустота. Старик останавливается у дверей палаты, толкает створку. Внутри довольно пусто: койка, штатив капельницы, умывальник да шаткий столик. Окно и здесь зарешечено намертво. Через матовое стекло не видно почти ничего, кроме пасмурно-стального неба.

Николай включает свет и бросает меня на кровать, как какое-то полено. Берѐт из судка вату, ужасно пахучий пузырёк и трѐт мне кожу на сгибе локтя... Что? Зачем? Его прикосновения мне неприятны; они грубые, хаотичные, резкие. Потом он что-то подносит к предплечью, и — хоп! — металл вонзается в желтоватую восковую плоть. Я вскрикиваю. Не зря меня напугали иглы: они и правда причиняют боль, резкую и холодную, как небо за окном. Старик закрепляет липкой лентой катетер и что-то впрыскивает.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Я чувствую течение студёного раствора внутри, хочется выдернуть эту дурацкую пластмаску.

— Не трогай, повредишь вену! — шипит старик. — Всё! До завтра можешь спать. — Смерив меня едким взглядом, он забирает лоток.

Хлопает дверь. Слышится лязг ключей в замке.

Здесь смертельно холодно. Стерильная плитка, больнично-яркий свет ламп, размеренное щёлканье капель по карнизу. Чтобы хоть как-то согреться, я заворачиваюсь в тоненькое и колючее шерстяное одеяло, пахнущее порошком так сухо, что в носу свербит. Поджимаю ноги — стопы ледяные, их очень-очень хочется согреть, но собственного тепла мне не хватает. Потихоньку я всё же начинаю чувствовать слабость, долгожданным жаром разливающуюся по телу.

Засыпая, я разглядываю стежки на пальцах, на поджатых коленях, на руках, нахожу их на шее и лице, чувствую сквозь рубашку на животе и груди — в форме знака Y, провожу подушечками по их монотонному успокаивающему рисунку на запястьях. Если пощупать, скальп тоже расчерчивают рубцы. Волосы светлые, кудрявые и короткие. Тонкие как пух. Кожа бледная, желтоватая, местами даже зелёная, где-то синяя, фиолетовая, как акварельные разводы, — особенно на коленях и локтях. Я закрываю глаза и лежу в полузабытье, пока реальность не ускользает.

* * *

Поворот ключа в скважине сгоняет сон. Я дёргаюсь и осоловело тарашусь на дверь. Лишь бы не Николай с его ужасными шприцами...

Это доктор! Он бесшумно закрывает за собой дверь и проходит к койке. В этот раз я обращаю внимание, как он одет: опрятно, всё тщательно выглажено — не в пример его помощнику. Доктор сразу понимает, что я не сплю, какое-то время мы смотрим друг на друга.

Уже рассвет, слепящее солнце из окна кидает желтоватый зарешечённый прямоугольник на стену.

— Доброе утро, — устало здоровается доктор, смотря на меня сверху вниз, его руки спрятаны в карманах. — Сейчас мы поставим капельницу. Коля! — кричит он в сторону двери. — Что ты всё копаешься!

Через несколько долгих секунд я слышу роковое приближение шаркающей походки из коридора, и в проёме появляется этот гадкий старик с пакетом, полным чего-то белого и жидкого, в морщинистой руке он держит стальную посудину со свёрнутыми шлангами. Николай вешает мешок на штатив и протягивает трубки ко мне. Я инстинктивно дёргаюсь, закрывая сгиб локтя. Впрочем, ему это не мешает. Он вставляет трубку в катетер, и я чувствую мерзковатую боль от шевеления иглы в вене. В шланг начинает неторопливо капать раствор. Каждый раз, как этот старик появляется, он меня или пугает, или делает больно!

— Посмотри сюда, — говорит доктор, стуча себя пальцем по кончику носа, вытаскивает из кармана крохотный ручной фонарик и светит мне в глаз. — Не щурься, — просит он, внимательно вглядываясь в мой зрачок.

От света перед глазами мерцают лиловые пятна и чешется в носу, но мне даже немножко весело. Доктор просит посмотреть то ему на мочку уха, то на лоб, то на потолок. Будто такая игра.

— Как ты себя чувствуешь? — Луч пропадает, и становится темно.

— Хорошо? — будто спрашиваю я. Мне не с чем сравнить. — А что я такое?

— *Что ты такое?* — Он вскидывает брови.

Я не могу этого объяснить, но я понимаю: я — не то же самое, что он или Николай. Это осознание сидит во мне так глубоко, что я не могу найти его истоков. Но я надеюсь на всеильное понимание доктора.

— Давай скажем так: тело человека не храм, а обычный жилой дом. Где прохудилось, мы латаем, где сломалось — чиним.

Но естественный износ не обманешь. Если сгнил каркас — всё кончено. Человек устроен плохо; если бы он был сотворён хорошо, он бы не умирал так рано. И ты, — доктор внимательно смотрит на меня, — ты, быть может, изменишь историю архитектуры.

Сколько он смешных сложных слов говорит. Я бездумно улыбаюсь в ответ, делая вид, что всё мне понятно, лишь бы он опять не решил, что у меня что-то в голове не работает, и не запихнул в свою тарахтящую жуткую машину.

* * *

В этой палате мне приходится провести ещё несколько дней. Ко мне заглядывают Николай с доктором. Учат меня ходить: принесли хопунки, чтобы укреплялись «нейронные связи» — что это такое, я пока не знаю. И принесли кубики. Чтобы мне было чем себя развлечь. На них символы. Буквы и цифры. Какие-то я, кажется, помню. А какие-то нет.

Доктор не проводит со мной много времени, может, в редкий день и полчаса. Но когда приходит, терпеливо объясняет, как пишутся буквы и каким звукам соответствуют. Рассказал, как считать на пальцах. Ему было нужно знать, как работают мои «когнитивные функции» — этими сложными словами он называл то, как я думаю. Проверял, знаю ли я названия цветов, времён суток, животных и всяких предметов: мебели, одежды, растений, игрушек. Показывал карточки с рисунками и надписями. Некоторые вызвали у меня затруднения: «пианино» — красивое слово, но незнакомое, или вот «шторы» — жутко забавное. Но это был мой звёздный час, столько гордости, что это мне легко далось! И доктора это порадовало, а если его это порадовало, то и меня.

Кубики меня и правда здорово развлекают. Пока никто не видит, я, чтобы не холодно было лежать, расстилаю одеяло на полу и строю башенки. В моём воображении они становятся замками,

домиками и рвами. Буква А — главный герой истории, который путешествует по королевствам гласных и согласных.

Недавно этот противный старикан увидел, какой бардак остаётся в палате из-за игр, и страшно рассердился. Пинками разрушил мой дворец глухих согласных и деревню цифр, доведя меня до слёз жуткими криками и унизительно отходив полотенцем, как надоедливую собаку. С тех пор приходится вслушиваться в шкрябанье его шагов в коридоре, чтобы успеть всё расставить по местам.

Старик заходит ко мне так часто, что уже тошно от его лица: он меня моет, меняет капельницы, мерит температуру, чистит зубы, ставит уколы, забирает из моего тела в пробирки что-то такое белое, что течёт в моих венах, — настоящая кража! И всегда так больно и неприятно, даже, бывает, остаются синяки! И не сказать чтобы в нём было много силы, нет, но пальцами, цепкими, как клешни, он меня хватает, дёргает, щиплет. Его кожа — сухая и морщинистая, как дублёная шкура, и имеет резкий запах, который мне не нравится. И ещё никогда он не открывал дверь так, чтобы не заставить меня подскочить на месте от её железного визга.

Как-то пришёл и вытащил инфузионную? — кажется, инфузионную — систему из руки, чтобы поставить другую — под ключицу. И это было так мерзко и страшно! И даже больно! И теперь у меня из груди торчит трубка. Зато больше ничего не мешается у локтя.

За эти несколько дней холод стал мне привычен. Доктор сказал, что мне пока нельзя перегреваться. Он объяснял это какими-то жутко сложными словами: «терморегуляция», «замедление метаболизма», «цитокины»*, «артериальное давление». Зато обещал, что, как только «стабилизируются» какие-то процессы в организме, мне можно будет погреться!

* Цитокины — сигнальные белковые молекулы, которые регулируют клеточные процессы, такие как иммунный ответ, воспаление и т. д. *Здесь и далее прим. авт.*

Однажды утром Николай заявляется не только со своими дурацкими процедурами, но ещё и с какой-то коробкой.

— Обувь. — Он швыряет мне под ноги кожаные ботинки, которые с глухим стуком ударяются о плитку. — Бельё, носки, свитер... — продолжает он кидать вещи на кровать. — Доктор сказал, с этого дня тебе можно ходить по больничному крылу. — Он зыркает на меня с недобрым выражением.

Я что, правда смогу узнать, где конец того коридора?! Я столько всего увижу! И мне дали вещи! Они что, правда все мои? Какой красивый свитер!.. Фу, он ещё и колючий! Но тёплый. Свитер даже пахнет чем-то приятным, чем и одежда доктора. И оказывается, обувь — это страшно неудобно. Так и хочется снять эти противные туфли и ходить в носках. Из-за толщины подошвы кажется, что я не чувствую поверхности и плохо держу равновесие.

— Можешь идти, — бросает старик, отворяя передо мной дверь палаты.

Я испуганно, но всё же с любопытством прошмыгиваю к проёму. Смотрю по сторонам, оценивая, длинный ли коридор: да в нём уместится куча таких комнат, как моя! Да здесь даже бегать можно! Я шатко перешагиваю порог, пытаюсь привыкнуть к ощущению обуви на ногах. Затылком чувствую, как хищно за мной следит Николай. В коридоре темновато, только из окошечек операционной падают лучи, да в начале и в конце окна. Такие же зарешечённые и мутные, как везде. Я неуверенно иду вдоль палат, дохожу до больших и тяжёлых дверей операционной. Заглянуть туда я не могу — роста не хватает. И не хотелось бы перед стариком показывать своё любопытство, а то надумает себе гадостей. Дохожу до окна. Там стоит растение в горшке. Жухлое, но ещё зелёное. Что, дружок, тебе тоже холодно?

— А мне ещё куда-нибудь можно?

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Сюда, — Николай указывает жёлтым ребристым ногтем-миндалём на створку и шаркает прочь. Каждый его шаг отдаётся звоном целой связки ключей — должно быть, от прочих комнат. Вот бы их достать и посмотреть здесь всё...

Он выходит в большую двустворчатую дверь в конце, и я на короткий миг вижу, что там ещё пространство — большое! И светлое!

Я взволнованно бегаю из стороны в сторону, привыкая к свободе движений и узнавая способности своего тела. Я могу так разогнаться, что даже волосы на голове шевелятся. Двигаться, оказывается, приятно. А падать — совсем нет. Набегавшись так, что дышать стало тяжело, и вначале даже испугавшись этого, я всё-таки решаю подглядеть в операционную. Неловко, а потом более уверенно пытаюсь подпрыгнуть. Однако доктора там нет. Где же он пропадает? Впрочем, этот вопрос меня волнует недолго, и я тут же переключаюсь на дозволенную мне дверь.

Я разворачиваюсь, осторожно открываю створку — ого, такая тяжёлая! Прежде мне никогда не приходилось открывать двери, но, если даже хилому Николаю это не в тягость, мне казалось, должно быть просто. Но я крихчу от напряжения, будто мне куча лет, и кое-как протискиваюсь внутрь.

Это тоже палата. Похожая на мою, но в ней много кроватей. Раз, два, три — загибаю я пальцы, как учил доктор, — четыре. Четыре кровати. Зачем так много? Тут... тут кто-то ещё живёт? Эта догадка меня вдруг страшно волнует. Весь мой мир состоял всего из двух живых существ (трёх, если считать меня), и мне даже в голову не приходило, что мог быть кто-то ещё! Кто? Или всё-таки кровати здесь просто так? Я могу на них спать? Всплывает фраза: «В одиночную палату». Так, получается, если моя одиночная, то должна быть и общая? Выходит, это она. Но для кого? Для других па-ци-ен-тов... — вспоминаю я нужное слово — здесь есть другие пациенты?

Я с любопытством разглядываю комнату, открываю ящики тумбочек — пустые, но всё равно интересно. Заглядываю в уборную — ох, тут целая ванна! Балуюсь с водой, брызгаю каплями на стены.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

